

ЧАРЛЗ ДАРВИН И МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ

И. Д. Страшун

CHARLES DARWIN AND THE MOSCOW SOCIETY OF NATURALIST

I. D. Strashun

Быль январь 1861 г. Русский народ с нетерпением ждал давно обещанной воли многомиллионному крестьянству. С особым общественным подъемом прошел «Татьянин день» — 12 января 1861 г. — в Московском университете. Историк М. П. Погодин зачитал свою вступительную речь строками Пушкина:

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Пресса отражала возбуждение общества. В такой обстановке легко могло остаться незамеченным извещение в «Московских ведомостях» о том, что в четверг, 19 января 1861 г., в 6 часов вечера, в старом здании университета, состоится заседание Московского общества испытателей природы. Собралось всего 12 человек; председательствовал вице-президент А. Г. Фишер, секретарем был А. Ауэрбах. Согласно повелению, секретарь прежде всего огласил поступившие работы. Среди них была названа и статья Г. А. Траутшольда «Übergänge und Zwischenvarietäten»¹. В журнале статья помечена 25 января 1861 года. Следовательно, Траутшольд окончательно обработал ее для печати после предварительного сообщения на заседании общества. Вот как звучит в кратком, протокольном изложении выступление Траутшольда.

«Г. Д. Ч. Траутшольд говорил о переходных формах между разными видами животных. В пояснение своего сообщения он показывал многочисленные ряды московских окаменелостей, представляющих переходы одного вида в другой и, по его мнению, подтверждающих теорию Дарвина о развитии видов одного из другого. Ряды в настоящее время тем более любопытны, что сам Дарвин изъявляет сожаление, что ему по сию пору не удалось представить подобное фактическое доказательство» (1861 г., д. 371, л. 4, п. 17). Последний обзац не был приведен в протоколе на французском языке, опубликованном в «Бюллетене» общества за 1861 г. (т. XXXIV, прил. стр. 5).

Если же обратиться к самой статье в вышеуказанном томе «Бюллетеня» за 1861 г., то становится очевидным, что первое сообщение в русском научном обществе о теории Дарвина «Происхождение видов» прозвучало в Московском обществе испытателей природы, и притом в высшей степени одобрительно и даже восторженно. Упомянутый Г. А. Траутшольд оказался экземпляром книги «Происхождение видов» в немецком переводе Бронна тотчас после ее выхода, в середине 1860 г. Без всяких комментариев Траутшольд начинает свою статью с цитаты Дарвина, взятой из вступления к главе X «О неполноте геологической летописи» (перевод, см. «Происхождение

¹ «Bulletin de la Société impériale des Naturalistes de Moscou». Année, 1880, n° IV, 419—530.

ÜBERGÄNGE UND ZWISCHENVARIETÄTEN.

Vaa

H. Trautschold.

Darwin sagt in seiner Schrift «Ueber die Entstehung der Arten», in's Deutsche übertragen von Bronn pag. 289: «Aber gerade in dem Verhältnisse, wie der Prozess der Vertilgung in ungeheurem Maasse thätig gewesen ist, so muss auch die Anzahl der Zwischenvarietäten, welche vordem auf der Erde vorhanden waren, eine wahrhaft ungeheure gewesen sein. Die Geologie enthüllt uns nicht eine so fein abgestufte Organismen-Reihe; und dies ist vielleicht die handgreiflichste und gewichtigste Einrede, die man meiner Theorie entgegenhalten kann. Die Erklärung liegt aber, wie ich glaube, in der äussersten Unvollständigkeit der geologischen Ueberlieferungen». Ferner pag. 306: «Wenn geologische Forschungen auch eine Menge von Arten und erloschenen Typen zu unserer Kenntniss gebracht und manche Lücken zwischen einigen Lebensformen kleiner gemacht, so haben sie doch kaum etwas dazu beigetragen, Unterschiede zwischen den Arten durch Einschiebung zahlreicher und fein abgestufter Zwischenglieder zu verringern: und dass sie dies

Рис. 1. Первая страница статьи Г. А. Траутшольда

идов». 1952, Сельхозгиз, стр. 311). И вслед за ней приводится другая цитата из раздела той же главы «Об отсутствии многочисленных промежуточных разновидностей в каждой формации» (там же, стр. 325). Последние слова второй цитаты таковы: «...на отсутствие таких переходов неоднократно указывалось, как на наиболее серьезное возражение против моих взглядов».

Непосредственно за цитатой Г. А. Траутшольд писал, что он находится в счастливом положении, ибо может подтвердить справедливость теории Дарвина своими коллекциями окаменелостей, найденными в Московской губернии в пластах русской Оры. Далее он приводит ряд примеров, которые могут служить доказательством постепенных переходов между формами, довольно далеко стоящими друг от друга и относящимися к разным видам.

Таким образом, по мнению Траутшольда, Дарвин прав, когда говорит, что недостаток переходных форм следует объяснить только неполнотой наших палеонтологических коллекций. С убеждением потрясенного адепта, Траутшольд говорит, что грядущая (angehende) книга Дарвина несомненно побудит многих исследователей продолжать поиски таких промежуточных форм, которые несомненно имеются («Бюллетень», 1860, № 4, стр. 528).

Заседание 19 января 1861 г. с докладом Траутшольда, его статья в «Бюллетене» 1860 г., а также помещение в № 12 «Вестника естественных наук» за 1860 г. периода статьи из английского журнала «Westminster Review» с изложением теории Дарвина¹ показывают, что Московское общество испытателей природы сразу признало значение книги Дарвина и явилось колыбелью дарвинизма в России.

Как известно, профессор С. Куторга, за год до своей смерти, успел только студентам Петербургского университета изложить содержание теории Дарвина. Выступление же проф. Н. П. Вагнера в конце 1860 г. в Казанском университете, когда ли можно считать принадлежащим стороннику Дарвина².

К этому следует добавить, что доклад Траутшольда в обществе происходил за два года до выхода в Германии монографии Э. Геккеля «Die Radiolarien», в которой он впервые упоминает о «Происхождении видов» Дарвина.

Не удивительно, что 10 лет спустя то же Московское общество испытателей природы явилось первым, которое единогласно избрало Ч. Дарвина своим почетным членом. Внесли это предложение автор первой оригинальной статьи о Дарвине в русской научной печати Г. А. Траутшольд и редактор «Бюллетеня», который принял эту статью для печати, К. И. Ренар.

Избрание произошло на заседании 19 марта 1870 г. (1870 г., д. 448, л. 12, п. 29). Одновременно были избраны в действительные члены, кроме Дарвина, также Гексли и Дэвидсон. Как курьез следует отметить, что карандашом было дописано против имени Дарвина — «в почетные члены». В «Бюллетене» за 1870 г., т. XLIII, № 2, стр. 41, уже правильно напечатано, что Дарвин избран в почетные члены.

На этом памятном заседании общества присутствовало 15 действительных членов и один посетитель; среди них были и старые члены: А. Г. Фишер (с 1819 г.), И. С. Бер (с 1825 г.), химик Р. Ф. Герман (с 1829 г.), К. И. Ренар (с 1840 г.), зоолог Г. А. Траутшольд (с 1858 г.), зоолог А. Ф. Головачев (с 1854 г.) и молодые члены: ботаник А. И. Петунников (с 1865 г.), зоолог Л. П. Сабанеев (с 1868 г.), зоолог И. Д. Чистяков (с 1869 г.), зоолог и путешественник А. П. Федченко (с 1868 г.). Пятеро из них — А. Г. Фишер, Р. Ф. Герман, К. И. Ренар, Г. А. Траутшольд и Н. Н. Кауфман — участвовали в заседании 19 января 1861 года. Подписали протокол вице-президент А. Г. Фишер фон Вальдгейм и секретарь Н. Н. Кауфман. Дарвин ответил 28 мая 1870 года (н. с.) благодарственным письмом и прислал в дар две книги «Origine of species» и «Journal of Researches into the Natural History and Geography of the Countries visited during the voyage of H. M. S. Beagle round the World». Эти книги были получены, о чем было сообщено на заседании 17 сентября 1870 г. («Бюллетень» 1870, т. XLIII, Seances, стр. 19). Первая книга не числится, к сожалению, уже давно в библиотеке общества, а вторая и сейчас находится на месте (т. IV, 109).

Два года спустя, 14 декабря 1872 г., вице-президент А. Г. Фишер фон Вальдгейм обратил внимание общества на высокое научное достоинство издаваемого ныне сочинения Д. Чл. Геккеля об известковых губках (*Calcei spongiae*), снова свидетельствуя о громадных трудах автора, старавшегося в оном месте дать и аналитическое свидетельство справедливости положения Дарвина о перерождении видов» (1872 г., т. 468, л. 29, п. 17). Речь шла о «Monographie der Kalkschwämme», в которой Геккель изложил свою теорию гастрей. Между тем в том же 1872 г. Парижская академия наук отвергла кандидатуру Дарвина в академию как теорца «праздных гипотез». В это

¹ См. С. Л. Соболев. Первые сообщения о теории Ч. Дарвина в русской печати. М. МОИП, отд. биол. нов. сер., 1945, т. I, вып. 3—4, стр. 128—137.

² См. С. Л. Соболев. Ук. статья, стр. 130.

rence.

Membres élus.

(Sur la proposition de MM. Trautschold et Renard):

Honoraire.

Mr. CHARLES DARVIN à Londres.

Actifs:

Mr. THOMAS DAVIDSON à Londres.

Mr. THOMAS HUXLEY à Londres.

(Sur la proposition des 2 Secretaires.)

Mr. NICOL. KARL, SENCER de Moscou.

Рис. 3. Протокольное постановление об избрании Ч. Дарвина, опубликованное в «Бюллетене общества» за 1870 г.

время в состав академии входили два таких крупных ученых, как Клод Бернер и Луи Пастер. Теорию эволюции Дарвина Клод Бернер не понимал и относился к ней равнодушно: «Будем ли мы ювьевистами или дарвинистами, — писал он, — это не важно, это два различных воззрения на историю прошедшего и на возникновение настоящего порядка вещей, но они не дают нам никаких средств регулировать будущее» (Кл. Бернар. Жизненные явления, общие животным и растениям, 1878 г., стр. 277). Луи Пастер же, по словам Дюкло, стремился «спасти понятие вида», не понимая, что Дарвин не уничтожает понятие вида; а лишь преобразует его, делая его исторически подвижной объективной реальностью. Пастер не раз заявлял, будто гипотеза трансформизма вносит в науку много ошибок, так как она многих освобождает от углубленных наблюдений. В своем «Исследовании о пиве» (1876 г.) он писал, касаясь своих опытов 1872 г.: «В эпоху, когда идеи превращения видов так легко воспринимались, может быть, потому, что они освобождают от строгого экспериментирования, небезынтересно принять во внимание, что в течение моих исследований чистых культур микроскопических растений я однажды поверил в превращение одного организма в другой, в превращение *Mycoderma vini* или *cerevisiae* в дрожжи, и на этот раз я оказался в заблуждении» (Луи Пастер. Сельхозгиз, 1937, стр. 274).

В 1877 г. последовало знаменитое выступление Р. Вирхона на съезде естествоиспытателей в Мюнхене, на котором он потребовал запрещения преподавания дарвинизма в школе. Известно, как отрицательно отнесся, после дней Парижской коммуны, к учению Дарвина Дюбуа Реймон, отпрянув от мысли, что историзм может быть отнесен и к человеческому обществу.

Отношение же к дарвинизму Московского общества испытателей природы хорошо иллюстрирует одно высказывание Н. А. Северцова (1881 г., д. 541, л. 19, п. 23). Он делал сообщение 23 апреля 1881 г. «О палеоарктических видах семейства орлов» и указал, что «изучение весьма еще мало известных возрастных изменений разных орлов необходимо для выяснения генетических отношений этих видов, весьма интересных для того великого вопроса о способах образования видов, из которого гений Дарвина сделал жизненный узел всяких биологических наук (разрядка наша. — И. С.). Члены общества в своих многочисленных докладах и статьях творчески развивали и разрабатывали материалистическую основу дарвинизма. Стоит только назвать работы В. О. Ковалевского, М. А. Мензбира, А. П. Павлова, П. П. Сушкина, К. А. Тимирязева и многих других. Совершенно справедливо было в свое время отмечено, что «во главе общества стояли крупнейшие русские ученые-дарвинисты, все доклады которых в обществе были боевыми выступлениями в защиту дарвинизма (например, речь М. А. Мензбира на годичном заседании в 1902 г. «Мнимый кризис дарвинизма» и т. д.)» [С. Ю. Липшиц. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805—1940). М., 1940, стр. 85].

Речь М. А. Мензбира на годичном собрании 3 октября 1902 г. получила очень широкое звучание: она была затем помещена в журнале «Русская мысль» (1902, 11 ноября, стр. 191—201). В статье М. А. Мензбир подробно и критически рассмотрел так называемую мутационную теорию де Фриза и коснулся теории гетерогенезиса Коржинского. М. А. Мензбир лишь указал, что положения Коржинского совершенно голословны, но так как смерть помешала последнему развить свои взгляды, нельзя сказать, в каком виде могла быть приложена теория гетерогенезиса к происхождению видов. М. А. Мензбир отметил, что де Фриз своими трудами внес «несколько новых крупинок истины», и что, не соглашаясь с его теорией, надо с интересом следить за продолжением экспериментов де Фриза. Однако «не этой теории, еще не выработанной, колеблемой в самой основе, идти на смену Дарвинову учения, стройного, целого, отвечающего почти что на бесконечный ряд вопросов. Не ей создавать и кризис в развитии дарвинизма, объединившего собою все отрасли биологии» (стр. 199).

В преддверии 1909 «дарвиновского» года (100 лет со дня рождения Дарвина и 50 лет со дня выхода его труда «Происхождение видов») на годичном собрании 3 октября 1908 г. президент общества Н. А. Умов произнес речь: «Эволюция мировоззрения в связи с учением Дарвина». К сожалению, имеется только ее сокращенное изложение (см. «Протоколы заседаний общества за 1908 г.» стр. 35—38, в приложении к «Бюллетеню» 1908 г., нов. сер., т. XXII). Чрезвычайно интересно высказывание Н. А. Умова о месте человека в природе, о том, что на смену *Homo sapiens* приходит *Homo sapiens explorans*. Учение Дарвина решает, «что человек представляет собой одну из форм живого, родословное дерево которого начинается в тех атомах, которые когда-то считались основными камнями мироздания, современной же наукой признаваемые рождаемыми и смертными. Творение в мире представляется непрерывающимся процессом. Такими воззрениями упраздняется дуализм в природе человека, пропасть между силами психическими и силами неорганизованной материи» (стр. 37). Далее Н. А. Умов провозглашает, что «человек переходит за пределы своих органов чувств. Он познает и подчиняет своим целям силы природы, для ощущения которых он не имеет специальных органов: сюда относятся силы электрические, магнитные и миллиарды неощу-

и Луи
равно-
важно,
оющего
душее»
р. 277),
ая, что
рически
транс-
т углу-
касааясь
воспри-
ентири-
дований
рашение
прожжи,
р. 274),
естество-
дарви-
оммуны,
ет быть

и хорошо
23). Он
рлов» и
зных ор-
тересных
и Дар-
разрядка
ях твор-
онт толь-
Т. Сушки-
ое время
исты, все
изма (на-
изис дар-
природы за

ала очень
902, 11 но-
отрел так
а Коржин-
голослов-
сказать, в
но видов.
ых крупн-
за продол-
танной, ко-
целого, от-
изис в раз-

Дарвина и
рании 3 ок-
ровоззрения
изложение
ни к «Бюл-
Н. А. Умова
одит Ното
бой одну из
орые когда-
ризнаваемые
щимся про-
пасть между
е Н. А. Умов
Он познает
имеет специ-
арды неосу-

Down
My dear Sir, Beckenham
London 28 May 70, Kent
May 28. 70

Sir, I beg leave to thank you
for your very courteous letter of
May 20th in which you announced
to me that the Imperial Society
of Naturalists of Moscow has
conferred on me the distinguished
honour of ~~an~~ electing me an
Honorary Member. This morning
I received your Diploma
I hope that you will express
on my part to the Society
how deeply I feel gratified by
this honour. In accordance
with your suggestion I have
directed my publisher to forward
to your Society the last
edition of my *Origin of Species*
and my *Journal of Researches*
during the voyage of the *Beagle*.

With my sincere thanks
I have the honour to remain,
Sir,
Your most obedient servant
Charles Darwin

Рис. 4. Письмо Ч. Дарвина из Дауна с благодарностью за
избрание в почетные члены Московского общества испытате-
лей природы (оригинал хранится в архиве общества)

тимых лучей, пронизывающих вселенную» и, наконец, торжествующее — «для науки нет непостижимого в мире» (стр. 38).

Речь Н. А. Умова в 1908 г. была сказана в то время, когда западноевропейскую науку заливали мутные волны агностицизма, крайнего субъективизма, философии Маха, Авенариуса и Пирсона.

Летом 1908 г. общество делегировало К. А. Тимирязева в Кембридж на Дарвиновские торжества (22—24 июня). Он огласил на английском языке адрес Московского общества испытателей природы, начинавшийся заключительной фразой «Происхождения видов». Вот перевод адреса:

«Сенату Кэмбриджского университета.—«Между тем, как эта планета совершает свой путь по определенному закону тяготения, на основании такого простого начала развивались и продолжают развиваться бесчисленные формы изумительного совершенства и дивной красоты». Эти знаменательные строки определяют то место, которое потомство отдаст книге и ее автору, память которых мы собрались сюда чествовать. Закон всемирного тяготения и закон естественного отбора сохраняются в памяти грядущих поколений как два важнейших шага в истолковании природы, неорганической и органической. Более того — случай беспрецедентный в истории — торжествующее эволюционное учение сохранит навеки имя его автора. Дарвинизм обеспечил бессмертие имени Чарлза Дарвина.

Московское общество испытателей природы приносит свою дань уважения памяти великого человека и приветствует Кэмбриджский университет, чье славное имя навсегда будет сочетано с именем Ньютона и Дарвина».

В первом осеннем заседании общества, происходившего 17 сентября 1909 г. под председательством Н. А. Умова, К. А. Тимирязев сделал сообщения: а) «Дарвиновские дни в Кэмбридже» и б) «Наглядные приемы изучения питания растений листьями». Первое сообщение — в развернутом и дополненном виде — было опубликовано в журнале «Вестник Европы» (книги за ноябрь и декабрь 1909 г.). Второе сообщение под названием «Наглядные приемы изучения физиологии листа» вошло в Собрание сочинений К. А. Тимирязева (т. III. Сельхозгиз, 1937, стр. 277—289).

В краткой статье невозможно перечислить даже одни имена авторов, статьи которых по вопросам дарвинизма помещались на страницах изданий Московского общества испытателей природы. Все они до наших дней развивают прогрессивные стороны учения Дарвина, критически пересматривая и отмечая все неправильное, отжившее.

Новый этап в развитии биологической науки — советский творческий дарвинизм — открывает мичуринское учение. Усилия членов общества направлены на дальнейшее все более и более углубляющиеся исследования в свете открытых Мичуриным путей направленного преобразования природы организмов.

Хочется закончить заключительными словами статьи, написанной без малого 100 лет назад Г. А. Траутшольдом (в переводе А. П. Павлова). Органический мир представлялся ему морем с вздымающимися и опускающимися волнами. «Каждая волна — это вид, ее гребень — это типичная форма. Это изменчивая форма нисходит в долину между волнами и вновь поднимается на новую высоту. Большие валы, состоящие из многих малых, как классы, отряды и роды из видов, проходят по океану, сменяясь один другим, как сменяются малые волны. И всякая волна, большая и малая достигнет наконец берега, на котором погибнет, разбившись на прибое своего преходящего, теряющегося бытия. Но вещество не погибает, не погибает и творческая сила, и как каждое дуновение ветра вздымает новые волны на поверхности зыбких вод, так и каждый новый день творения вздымает новые волны на геологической поверхности органического мира».